

УДК 82.09

DOI: 10.17223/19986645/42/9

Ю.А. Говорухина

ФАНТОМНАЯ САМОИДЕНТИЧНОСТЬ ЭМИГРАНТОВ ЧЕТВЕРТОЙ ВОЛНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИЦИСТИКИ ЖУРНАЛОВ «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕВРОПЕЕЦ» И «МОСТЫ»)

Статья посвящена отражению процесса самоидентификации эмиграции «четвёртой волны» (ее антироссийской части) в публицистике журналов «Литературный европеец», «Мосты» (Германия). Обреченная на невыгодное сравнение с предыдущими волнами, получившая неофициальное название «колбасная», она встраивает себя в контекст русской эмиграции. Однако конструируемый образ и миссия представляются фантомными.

Ключевые слова: эмиграция, четвертая волна эмиграции, литература русского зарубежья, «Литературный европеец», «Мосты», самоидентичность.

Эмиграция четвертой волны остается сегодня малоизученным явлением. Причины этого не только в малой хронологической дистанции, недостаточной для продуктивной позиции внеаходимости, чтобы обозреть явление в целом, обнаружив тенденции развития и возможный диалог с предшествующими и последующей, пятой, волнами. Литературоведение и литературная критика точно осваивают творчество М. Шишкина, Д. Рубиной, А. Крамера и др., как правило, не выходя на обобщения. В этом смысле дальше продвинулись лингвистика, изучающая языковые особенности современных эмигрантов и создающая речевой портрет эмигранта [1–4]; психология, исследующая механизмы адаптации эмигрантов постперестроечного периода [5, 6], социология и культурология, включившие феномен четвертой волны эмиграции в проблемное поле мультикультурализма и постколониализма.

Редкие попытки выйти на уровень типологии представляются особенно ценными, однако они не лишены погрешностей, когда обобщающие суждения вступают в противоречие с конкретикой разнообразных, нередко противостоящих друг другу идеологически явлений новейшей эмигрантской литературной жизни.

Так, И.Н. Минеева в учебном пособии «Литература русского зарубежья (XX – начало XXI в.)» [7] ставит перед собой среди прочих цель прояснить, каков самоидентификация писателя-эмигранта и его ценностные установки; как бытует эмигрантский художественный текст, каковы его отношения с нелитературными дискурсами; каковы основные темы и особенности поэтики в сравнении с литературным опытом эмигрантов предшествующих трех волн. Несмотря на замечания о мироощущении эмигрантов четвертой волны, проблематике их творчества, ряд выводов неприложим к той части эмиграции, которая позиционирует себя как антироссийски/антипутински/антисоветски настроенную. Речь идет о стремлении эмигрантов «не противопоставить себя иномиру, а вписаться в него, не отрываясь при этом от родной литературы»;

несвойственности четвертой волне такого типа самоидентификации, как «мессия, последние Представители, Хранители и Продолжатели русской культуры»; чувстве оторванности от России.

Исследуемый материал противоречит выводу А. Гениса о том, что «необходимость духовного, этического, эстетического противостояния эмигрантской литературы советской идеологии отпала» [8], что, по мнению автора, должно явиться аргументом в пользу нелегитимности использования номинации «эмиграция» по отношению к современным волнам.

Литературная эмиграция «четвёртой волны», обреченная на невыгодное сравнение с предыдущими волнами, получившая неофициальное название «колбасная», особенно драматично переживает самоидентификационные процессы. На наш взгляд, именно ракурс (само)идентификации позволит создать некую объяснительную модель, откорректировать создавшийся образ эмиграции 1990-х гг.

Материалом статьи послужили публицистические и литературно-критические тексты, опубликованные на страницах журналов «Литературный европеец» (далее ЛЕ) и «Мосты» (Германия, Франкфурт-на-Майне¹). Идеологически близкие, эти издания объединили эмигрантов, занимающих открыто антироссийскую (антипутинскую) позицию. Под номинацией «четвертая волна эмиграции» будет иметься в виду только этот сегмент эмигрантской литературы.

Журнал «Литературный европеец» заявлен как «журнал Союза русских писателей в Германии», что уже включает указание на одну из идентичностей.

В самом общем значении идентификация – отождествление себя с некой группой, в данном случае – этнической² (мы – русские). Однако, на наш взгляд, речь не идет о титульном этносе России. Публицистика ЛЕ и «Мостов» представлена текстами, авторы которых дистанцируются от бывших соотечественников, от русскости в поведении и образе мыслей³, отмечают нерусскость артефактов, ставших частью русской культуры (в интерпретации Э. Бернаграда – присвоенных [9]). Заметим, что слово «соотечественники» пишется часто в кавычках, это тоже знак дистанцирования.

¹ «Литературный европеец» – ежемесячный журнал Союза русских писателей в Германии, выходит с 1998 г. «МОСТЫ» – ежеквартальный «толстый» литературный журнал. Выходит с января 2004 г. в Германии. Редактор обоих журналов Владимир Батшев.

² В социологии (особенно отечественной) имеет место тенденция отождествления понятий «этническая» и «национальная» идентичность. Мы придерживаемся точки зрения, фиксирующей разницу в этих двух типах идентичности, и принимаем конструктивистскую концепцию (Э. Хобсбаум, В. Тишков, В. Малахов, В. Коротеева и др.), а также положение о том, что человек принципиально незавершен, что объясняет множественный характер идентичности. Национальная идентичность обусловлена политическими и экономическими предпочтениями человека, соотнесение себя с политическим сообществом граждан. Этническая идентичность – это соотнесенность индивидов с определенной культурной целостностью (ее компоненты: язык, религия, искусство, устное творчество, обычаи, нормы поведения, привычки).

³ Дистанцирование как ценностная установка и коммуникативная стратегия характерно для публицистики Э. Бернаграда: «...в окна моей квартиры нередко влетает мерзкая русская ругань. <...> Привет, дорогие земляки! Давайте побеседуем по душам, откровенно! Поведение ваше нередко скотское. Скотская матерная брань. И взгляды такие же...» [9. Ч. 2]; «Это такой “особый” этнос – советский скот... простите, советский человек» [9. Ч. 3].

В таком случае что означает «русский» в презентации ЛЕ? Эмиграция четвертой волны совершает категориальную ошибку, отождествляя русское и советское. Решение о переезде, в представлении эмигранта, – это не только осознанный отказ от советской власти, но и осознанный выбор пути собственного освобождения от «совка». В статье «Обиженные и оскорбленные» Т. Розина героям книги Татьяны Масс «Город женщин», несчастным эмигрантам-совкам с их амбициями и высокомерием, с пренебрежением к тому, что непонятно, противопоставляет других эмигрантов, которые «пытаются вырваться из состояния совковости», учатся «смотреть на мир иными глазами» [10]. Второй образ выдаёт идентификационные ориентиры самой Т. Розиной, типичного «своего» автора ЛЕ и «Мостов». При реальной открытости пространственных границ эмигранты-публицисты настаивают на непреодолимости границы мировоззренческой. «Они», оставшиеся в пространстве России, – носители советского образа мыслей, «руссоветские люди», которых не учит горькая история.

Итак, эмиграция отказывается от идентификации себя с «руссоветскими» людьми. В этом случае формулировка «мы – журнал русских писателей в Германии» может прочитываться следующим образом: «мы истинно русские». Такая интерпретация требует ответа на вопрос: кто истинно русский в понимании эмигранта? Содержание публицистических текстов, опубликованных в журналах на рубеже XX–XXI вв., позволяет утверждать, что истинно русский не значит сопротивляющийся советскости на территории России. Об этом заявляет И. Шестков: «Если ты можешь в ней (в России. – Ю.Г.) жить, если ты не задыхаешься от имперской вони, то ты автоматически – часть этой мясорубки! Будь ты хоть сто раз критиком или триумфальным несогласным – каждой минутой своего пребывания в этой стране ты поддерживаешь Путина. Самим своим дыханием. Экзистенцией» [11]. Факт эмиграции, таким образом, мыслится обязательным условием не сохранения, но очищения, возвращения, приобщения к русскости.

А. ван Геннеп в книге «Обряды перехода» [12] выявил повторяющиеся фазы во всем множестве вариантов опыта перехода: отделение – промежуточная фаза – включение. Эти фазы, наблюдаемые в любом переживаемом опыте, в случае с эмиграцией оказываются обрядовыми, сопряженными с демонизацией и предписанностью. Акт эмиграции в этом смысле – осознанный переход, инициированный нуждой/нехваткой/отделением (в данном случае это отделение себя от «руссоветских» соотечественников, осознанная нужда в отбрасывании наносного советского), к новому статусу «истинно русский». Как в любом обряде, описываемом Геннепом, возвращение к прошлому статусу не предусматривается; отсюда негативная реакция эмигрантов на «возвращенцев», ностальгирующих.

В поиске репрезентативного (и авторитетного) контекста единственной идентификационной стратегией для эмиграции 1990-х становится встраивание себя в контекст русской эмиграции в целом, презентация сходств. Кон-

текст позволяет оправдать и факт отъезда, и собственное существование, не отмеченное литературными взлетами¹.

Происходит это в форме констатации, не требующей доказательств. Так, В. Батшев, редактор и идеолог журналов, говоря от лица русской зарубежной литературы, утверждает: «Русская зарубежная литература всегда была независима от внешних воздействий – откуда бы они ни шли – с Запада или Востока. Писатели, наверно, были иные: Бунин, Зайцев, Набоков, Солженицын, Бродский...» [14]. Еще более явно встраивание в желаемый контекст заметно в статье «Их имя...»: «Ну, а вся эта накупь – все эти донцовы, горлановы, денежкины, стогоффы, данилкины, веллеры, и имя им легион – пройдут. А останется литература Русского Зарубежья – Бунин, Зайцев, Мережковский, Цветаева, Елагин, Галич, Бродский, мы с вами, и – имя нам легион» [15]. Указание на генетическую связь дано в статье «Да, это наша литература!»: «...мы – эмигранты, и это звучит вызывающе гордо. ...Да, мы горды тем, что наша литература – иная, чем литература российская. Она настояна на других соках – на русской зарубежной литературе. На литературе Бунина, Зайцева, Ремизова, Мережковского, Набокова, Яновского, Елагина, Бродского... А основой российской литературы был и оставался социалистический реализм т-ща Горького и прочих товарищей» [16].

Другим доказательством названной идентификационной стратегии являются факты символического лишения «прописки» в «своем» контексте. Так, В. Батшев отказывает выходящему в Дортмунде альманаху «Зарубежные записки» в статусе преемника «Современных записок» на том основании, что редакция в числе «вдохновителей» назвала Генеральное консульство России в Бонне [17]. При составлении справочника о писателях-эмигрантах В. Батшев руководствуется принципом: не включать в справочник «тех, кто, физически проживая здесь, душою и мыслями продолжает жить ТАМ, в Росспутинщине. Ибо они не являются писателями Русского Зарубежья, сподвижниками Бунина и Набокова, Елагина и Бродского» [18].

Столь активное встраивание себя в авторитетный контекст объясняется не только необходимостью оправдания и лакировки причины эмиграции, это еще и реакция на тенденцию отказа от номинации «эмигрант» по отношению к четвертой волне, сложившуюся в конце 1990-х гг. Так, А. Генис в интервью 1999 г. заявил, что «к концу XX в. можно смело говорить о конце эмигрантской литературы, завершении целого этапа в истории русской литературы <...> Сегодня никакой эмигрантской литературы нет, как и нет сейчас у

¹ Не уходя в область оценки литературных произведений, публикуемых в ЛЕ и «Мостах», в зыбкое проблемное поле феномена художественной удачи и неудачи, заметим, что имеется в виду отсутствие литературных произведений/имен, вызвавших резонанс в литературно-критической среде за пределами «своего» идеологического поля, в литературоведческой среде; отсутствие такого новаторского опыта, из которого бы «выросла» литературная тенденция, поддержанная писателями второго ряда; публицистичность прозы как компенсация художественной слабости, что дало повод Г. Ермошиной высказать суждение о том, что «они (произведения, публикуемые в ЛЕ. – Ю.Г.) ничем не отличаются от многочисленных текстов многочисленных российских провинциальных журналов. Традиционные, добротные, тщательно и крепко сделанные произведения в лучших традициях провинциального самиздата» [13]. Возможно, невысокая литературная «планка» – следствие публикационной политики, озвученной журналом: («Печататься в нем могут только его подписчики») и не предполагающей серьезнейшего редакторского отбора. Не случайно при сопоставлении себя с предыдущими волнами «европейцы» избегают литературных параллелей.

эмиграции никакой специфической цели и задачи, потому что у России появилась свобода слова» [19]. П. Кузнецов столь же категоричен: «Культура русского изгнания окончательно завершена, а нынешняя и будущая эмиграция не сможет добавить ничего существенного» [20]. В этой ситуации эмигрантам особенно важно не потерять контекст, акцентировав внимание на близкой предшественникам миссии – сохранить истинно русскую культуру. Для них недопустимо «потерять» связывающую номинацию «эмиграция».

Самоидентификацию как продолжение предыдущих волн эмиграции объясняет феноменологическая (понимающая) социология. П. Бергер, Т. Лукман, обосновывая свою теорию социального конструирования, писали: «Индивид становится тем, кем он является, будучи направляем значимыми другими» [21. С. 215]. Значимыми «другими» для четвертой волны становятся успешные в самоидентификации и литературной самореализации предыдущие волны. В утверждении П. Бергера и Т. Лукмана обнаруживается сила влияния Другого и пассивности индивида.

Несомненно, существуют точки сближения четвертой волны эмиграции с предшествующими: неоднородность и размежевание в оценке российской действительности, в том числе антисоветскость; жесткая политическая полемика в публицистике; рефлексия границы (переход границы выписывается как отдельный сюжет) и процесса адаптации к иной культуре; общие мотивы. Но очевидна и разность – мировоззренческая, ценностная, разность обстоятельств эмиграции. В осознании произошедшего у эмигрантов четвертой волны нет трагедийности, а ностальгия ассоциируется с предательством. Первая волна все 1920-е жила с психологической установкой «когда мы в Россию вернемся...», воспоминаниями о России, все темные стороны российской жизни вытесняются в сознании эмигранта идеализированным образом родной страны. У четвертой волны такого идеализированного образа родины нет. Родившиеся в Советском Союзе, некоторое время жившие во внутренней эмиграции, ее представители конструируют идеальный образ страны, ориентируясь на Запад. Миссия сохранения русскости, всечеловеческий масштаб русской идеи в рамках первой волны были панацеей от уничтожения чужой культурой – для четвертой эмиграции эта миссия малоактуальна: европейские ценности поддерживаются и нередко идеализируются, русскость же выполняет сугубо прагматическую роль в выстраивании идентичности.

Ценностная разница становится очевидной при попытке наложить самоидентификационные суждения представителей первой волны на идейный посыл публицистики современной эмиграции. Так, Г.П. Федотов в статье «Зачем мы здесь?» (1935) писал, что эмиграция получила от нации наказ нести наследие культуры, так как большевики решили перековать народное сознание, воспитать в новой России, на основе марксизма, «нового человека, лишённого религии, личной морали и национального сознания»; в сложившихся обстоятельствах русские эмигранты должны стать голосом всех молчащих в России, «чтобы восстановить полифоническую целостность русского духа» [22. С. 440]. Эмиграция четвертой волны не представитель молчащей России, она не мыслит для себя наказ от нации «руссоветских». В 1934 г. Ф.А. Степун ставил перед эмигрантской интеллигенцией задачу обдумывания «русской идеи». «Русскость», по его мнению, выражается в каждоднев-

ном труде на благо будущей России, в сохранении национальной духовности, национального самосознания в условиях иной культуры [23. С. 20]. Труд на благо России – не в ценностной иерархии четвертой волны. Образ будущей России, как правило, апокалиптичен, альтернативных существующему порядку образов не рисуется. Н. Бердяев в «Душе России» писал о русской душе как безграничной, устремлённой в бесконечность, стихийной и отторгающей оформленность как насилие над собой [24. С. 300]. Философы русского зарубежья видели опасность заимствования иной культуры, угрозу смуты в сознании, потери самодостаточности. Четвертая волна идеализирует европейские ценности в противоположность российским (советским), она далека от веры в уникальность русской души.

В осознании русскими эмигрантами первой волны своей национальной идентичности проявлялась ностальгия, «устойчивое психологическое состояние, вызванное ощущением утраты, потери, разлуки, невозможностью возвратиться назад свой прежний мир, свое социально-психологическое окружение» [5. С. 19]. Бывшая одним из главных мотивов русской зарубежной литературы прежде, в 1990–2000-е она начинает противоречить антироссийскому/антипутинскому пафосу. Среди причин ностальгии первой волны Н. Хрусталева называет устойчивые духовные ценности, воспитание в традициях монархизма и христианства; чувство патриотизма в интеллигенции; сопричастность классической русской культуре; невозможность возвращения; отсутствие идентификации образа большевиков с образом оставленной России [5]. Четвертая волна «собирает» (в значении М. Мамардашвили) себя по принципу негативной идентичности: мы другие, противоположность современной России. Показательно заявление редактора ЛЕ, очерчивающего круг «своих» и «чужих» авторов: «...о тех, кого мы еще не печатаем: авторов, ностальгирующих по прежней жизни, в чем бы эта ностальгия ни проявлялась – от классической тоски по оставленной родине (никто никого тут не держит, и на сегодняшний день границы открыты для всех в обе стороны) до, выражаясь в стиле советского уголовного кодекса, “распространения заведомо ложных измышлений, восхваляющих советский государственный и общественный строй”»¹. Четвертая волна не живет надеждой вернуться, как первая, надеждой на кратковременные встречи с бывшими соотечественниками, на скорейшие изменения в стране, как третья. Выбранная идентификационная парадигма не терпит расхождений. Четвертая волна оказалась между образами первой и третьей волн. Сближение с третьей объяснило бы жесткий разрыв с русской (советской) культурой, но обозначила бы явное отличие от первой, «унесшей» Россию с собой. Однако ориентация на первую волну дает обоснование истинной русскости, которая может существовать лишь в эмиграции.

Парадигмы самосознания писателей-эмигрантов первой волны и четвертой мало пересекаются. Первая обусловлена онтологией «изгнания», метафизического состояния, потерей первоначальной духовной цельности и самобытности, и в «изгнании» актуализировались мифологизированные типы са-

¹ Галина Ермошина комментирует это заявление: «Ау, советский железный занавес! Редакция журнала сознательно или неосознанно копирует модель советского общества, потому что другого не знает и знать не хочет» [13].

моидентификации (теурги, мессии, последние Представители, Хранители, страдающие гении) [25. С. 167–168]. Они были формой сохранения русского самосознания. Такой высокой «ноты» в самопредставлении четвертой волны нет. На наш взгляд, это связано с тем, что в четвертой самоидентификационные процессы происходят не на основе духовной трагедии/катастрофы, а на осознаваемой необходимости конструировать идентичность.

Эмигрантам четвертой волны необходимо встроиться в желаемый контекст максимально непротиворечиво, что приводит к существенной корректировке, переозначиванию реальных фактов. Добровольность сменяется вынужденностью, открытость границы – ее мировоззренческой непреодолимостью.

По аналогии с первой волной четвертая формулирует свою миссию, продолжая традицию «мы в послании». В эту миссию входит сохранение русского языка и русской культуры. Но какой *русской* культуры? Эмиграция первой волны «увозила» Россию дореволюционную, четвертая же выросла в России советской, с ее (не)официальными культурными потоками (от обоих, как было отмечено, современная антироссийская эмиграция отрешивается). Ее миссия – фантом. Тем более что публицистика демонстрирует совершенно советскую риторику с оппозицией свой – чужой, с воинственностью.

Публицисты ЛЕ акцентируют свою свободу (свободу мысли, слова, печати). Т. Иглтон в «Идее культуры» замечает: «Свобода – это когда больше не нужно беспокоиться о том, кто ты есть» [26. С. 100]. В этом смысле эмигранты несвободны от этой обеспокоенности (в том числе об устойчивости созданной идентификационной конструкции). Очевидно, эмигранты четвертой волны болезненно переживают несоответствие создаваемого образа и реального имиджа.

Литература

1. Земская Е. Особенности русской речи эмигрантов четвертой волны [Электронный ресурс]. URL: http://www.russian-online.net/ru4ki/pdf/osobennosti_russkoj_rechi_emigrantov.pdf
2. Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты: сб. науч. тр. Москва; Вена, 2001.
3. Земская Е.А. Сорняк или роза? (к вопросу о сохранности русского языка у эмигрантов четвертой волны) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61, № 4. С. 37–42.
4. Никиторец-Такигава Г. Язык русской диаспоры в Японии // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 50–62.
5. Хрусталева Н.С. Психология эмиграции: социально-психологические и личностные проблемы: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1996.
6. Маховская О. Соблазн эмиграции, или Женщинам, отлетающим в Париж. М.: ПЕР СЭ, 2003.
7. Минеева И.Н. Литература русского зарубежья (XX – начало XXI в.): учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2012.
8. Генис А. Новый Архипелаг, или Конец эмигрантской литературы // Континент. 1999. № 102. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/1999/102/ad27.html>.
9. Бернгард Э. Родом из ненависти, или Необыкновенный фашизм // Мосты. № 15. URL: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=218&Itemid=44
10. Розина Т. Обиженные и оскорбленные // Мосты. № 22. URL: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_wrapper&Itemid=73
11. Шестков И. Только метафоры // Литературный европеец. № 165. URL: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=590&Itemid=38

12. Геннеп ван А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / пер. с фр. Ю.В. Ивановой, Л.В. Покровской. М.: Вост. Лит., 2002.
13. Ермошина Г. Литературный европеец: Ежемесячный журнал Союза русских писателей в Германии // Знамя. 2004. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/9/erm27.html>
14. Батиев В. Страница редактора. Гости парижского книжного салона // Литературный европеец. 2003. № 85. URL: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=65&Itemid=38
15. Батиев В. Их имя... // Литературный европеец. 2008. № 120. URL: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=249&Itemid=38
16. Батиев В. Да, это наша литература! // Литературный европеец. 2010. № 156. URL: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=505&Itemid=38
17. Батиев В. О засыпанных рвах и советской патриотизме // Литературный европеец. 2005. № 93. URL: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=96&Itemid=27
18. Батиев В. О советской власти // Литературный европеец. 2011. № 163. URL: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=572&Itemid=38
19. Новый Архипелаг, или Конец эмигрантской литературы: интервью Марины Адамович с Александром Генисом // Континент. 1999. № 102. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/999/102/ad27.html>
20. Кузнецов П. Эмиграция, изгнание, Кундера и Достоевский // Звезда. 2001. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/4/kuz.html>
21. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
22. Федотов Г.П. Зачем мы здесь? // Современные записки. 1935. № 58.
23. Степун Ф. Идея России и формы ее раскрытия // Новый град. 1934. № 8.
24. Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея: сб. произведений русских мыслителей / сост. Е.А. Васильев. М., 2004. С. 289–317.
25. Осипова Н.О. Поэзия эмиграции как семиотическая система // «В рассеянии сущие...»: культурологические чтения «Русская эмиграция XX века»: сб. докл. М., 2006.
26. Иглтон Т. Идея культуры. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

PHANTOM SELF-IDENTITY OF EMIGRANTS OF THE FOURTH WAVE (ON THE BASIS OF PUBLICISTIC TEXTS OF THE *LITERATURNYY EVROPEETS* AND *MOSTY JOURNALS*)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 4(42), 114–123. DOI: 10.17223/19986645/42/9

Yulia A. Govorukhina, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: yuliya_govorukhina@list.ru

Keywords: emigration, first wave of literary emigration, Russian émigré literature, *Literaturnyy evropeets*, *Mosty*, self-identity.

The “fourth wave” of literary emigration unofficially named as “sausage” emigration, is doomed to a disadvantageous comparison with the previous waves, which results in the dramatic process of its self-identification. The present article is based on the journalistic and literary-critical texts published in the journals *Literaturnyy evropeets* (LE) and *Mosty* (Germany, Frankfurt on the Main), these journals espouse a similar ideology, and bring together emigrants with an anti-Russian (anti-Putin) position. The article touches upon this particular segment of the emigrant literature.

The journal *Literaturnyy evropeets* is known as a “journal of the Union of Russian writers in Germany”. The name clearly indicates one of the identities. However, the authors disassociate themselves from ex-compatriots, from Russianness in behavior and way of thinking. They put the word “compatriots” in quotation marks, which is also a sign of disassociation.

Emigrants deny their identity with “Russian-Soviet” people. In this case, the statement “we are the journal of Russian writers in Germany” means “we are purely Russian”. The content of the journalistic texts shows that “being purely Russian” does not mean “resisting being Soviet on the territory of Russia” for emigrants. True Russians do not live in Russia. Emigration is a prerequisite of purification and belonging to Russianness.

Emigration of the 1990s is looking for a representative (and authoritative) context and finds it in the Russian emigration as a whole, demonstrating similarities. The context can justify both the fact of departure and its own existence without any literary achievements.

Undoubtedly, there are similarities between the fourth wave of emigration and previous ones: a common theme, heterogeneity and difference in the assessment of the Russian reality, heated political debates in journalism, reflection of the border and the process of adapting to another culture. However, the difference in the world views, values and circumstances of emigration is also obvious.

Similarly to the first wave, the fourth wave states its mission “we are missioned” thus perpetuating the tradition. This mission includes the preservation of the Russian language and the Russian culture. But what Russian is meant? The emigration of the first wave occurred in pre-revolutionary Russia, but the fourth grew up in Soviet Russia with its official and unofficial cultural flows. Its mission is phantom. Journalism shows a very Soviet rhetoric with the opposition “friend-or-foe” and militancy.

References

1. Zemskaya, E. (c. 2006) *Osobennosti russkoy rechi emigrantov chetvertoy volny* [Features of Russian speech of the fourth wave of emigrants]. [Online] Available from: http://www.russian-online.net/ru4ki/pdf/osobennosti_russkoj_rechi_emigrantov.pdf.
2. Zemskaya, E.A. (2001) *Yazyk russkogo zarubezh'ya: obshchie protsessy i rechevye portrety* [Russian language abroad: general processes and speech portraits]. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury; Venskiy slavisticheskiy al'manakh.
3. Zemskaya, E.A. (2002) Sornyak ili roza? (k voprosu o sokhrannosti russkogo yazyka u emigrantov chetvertoy volny) [A weed or a rose? (The question of the preservation of the Russian language in the fourth wave of emigrants)]. *Izv. RAN. Seriya literatury i yazyka*. 61:4. pp. 37–42.
4. Nikiporets-Takigava, G. (2009) Yazyk russkoy diaspory v Yaponii [The language of the Russian diaspora in Japan]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 50–62.
5. Khrustaleva, N.S. (1996) *Psikhologiya emigratsii: sotsial'no-psikhologicheskie i lichnostnye problemy* [Emigration psychology: socio-psychological and personal problems]. Psychology Dr. Diss. St. Petersburg.
6. Makhovskaya, O. (2003) *Soblazn emigratsii, ili zhenshchinam, otletayushchim v Parizh* [The lure of emigration, or to women who fly off to Paris]. Moscow: PER SE.
7. Mineeva, I.N. (2012) *Literatura russkogo zarubezh'ya (XX – nachalo XXI v.)* [Russian Literature Abroad (20th – early 21st centuries)]. Petrozavodsk: Izd-vo KGPA.
8. Genis, A. (1999) Novyy Arkhipelag, ili Konets emigrantskoy literatury [A New Archipelago, or the end of the emigre literature]. *Kontinent*. 102. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/kontinent/1999/102/ad27.html>.
9. Berngard, E. (n.d.) Rodom iz nenavisti ili neobyknovenny fashizm [Originally from hatred or unusual fascism]. *Mosty*. 15. [Online] Available from: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=218&Itemid=44.
10. Rozina, T. (n.d.) Obizhennyye i oskorblennyye [Hurt and offended]. *Mosty*. 22. [Online] Available from: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_wrapper&Itemid=73.
11. Shestkov, I. (n.d.) Tol'ko metafory [Metaphors only]. *Literaturnyy evropeets*. 165. [Online] Available from: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=590&Itemid=38.
12. Gennep van, A. (2002) *Obryady perekhoda: Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [Rites of passage: A systematic study of the rites]. Translated from French by Yu.V. Ivanova, L.V. Pokrovskaya. Moscow: Vostochnaya literatura.
13. Ermoshina, G. (2004) Literaturnyy Evropeets: Ezhemesyachnyy zhurnal Soyuz russkikh pisateley v Germanii [Literaturnyy Evropeets: a monthly magazine of the Union of Russian Writers in Germany]. *Znamya*. 9. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/9/erm27.html>.
14. Batshev, V. (n.d.) Stranitsa redaktora. Gosti parizhskogo knizhnogo salona [The editor's page. Guests of the Paris Book Fair]. *Literaturnyy evropeets*. 85. [Online] Available from: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=65&Itemid=38.
15. Batshev, V. (n.d.) Ikh imya... [Their name...]. *Literaturnyy evropeets*. 120. [Online] Available from: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=249&Itemid=38.

16. Batshev, V. (n.d.) Da, eto nasha literatura! [Yes, it is our literature!] *Literaturnyy evropeets*. 156. [Online] Available from: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=505&Itemid=38.
17. Batshev, V. (n.d.) O zasypannykh rvakh i sovetskoy patriotizme [On filled ditches and Soviet patriotism]. *Literaturnyy evropeets*. 93. [Online] Available from: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=96&Itemid=27.
18. Batshev, V. (n.d.) O sovetskoy vlasti [On the Soviet regime]. *Literaturnyy evropeets*. 163. [Online] Available from: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=572&Itemid=38.
19. Adamovich, M. (1999) Novyy Arkhipelag, ili Konets emigrantskoy literatury: interv'y u Mariny Adamovich s Aleksandrom Genisom [A New Archipelago, or the end of the emigre literature: an interview of Marina Adamovich with Alexander Genis]. *Kontinent*. 102. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/continent/1999/102/ad27.html>.
20. Kuznetsov, P. (2001) Emigratsiya, izgnanie, Kundera i Dostoevskiy [Emigration, exile, Dostoevsky and Kundera]. *Zvezda*. 4. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/4/kuz.html>.
21. Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium, 1995.
22. Fedotov, G.P. (1935) Zachem my zdes'? [Why are we here?]. *Sovremennye zapiski*. 58.
23. Stepun, F. (1934) Ideya Rossii i formy ee raskrytiya [The Russian idea and form of its disclosure]. *Novyy grad*. 8.
24. Berdyaev, N.A. (2004) Dusha Rossii [The Soul of Russia]. In: Vasil'ev, E.A. *Russkaya ideya: sb. proizvedeniy russkikh mysliteley* [Russian idea: works of Russian thinkers]. Moscow: Airiss-press.
25. Osipova, N.O. (2006) [Emigration poetry as a semiotic system]. "V rasseyanii sushchie...": kul'turologicheskie chteniya "Russkaya emigratsiya XX veka" ["Living in scatter...": cultural readings "Russian emigration of the 20th century"]. Proceedings of the conference. Moscow: Izd-vo Dom-muzey M. Tsvetaevoy (In Russian).
26. Eagleton, T. (201) *Ideya kul'tury* [The idea of culture]. Moscow: Higher School of Economics.